

СЛЕПАЯ ЗОНА

ГОНКА, КОТОРУЮ НЕВОЗМОЖНО ВЫИГРАТЬ,
НО МОЖНО ЗАВЕРШИТЬ.

АНТОН АРАКЧЕЕВ

АНТОН АРАКЧЕЕВ

Слепая зона

«Автор»

2026

Аракчеев А.

Слепая зона / А. Аракчеев — «Автор», 2026

Двадцатилетний Тимур гоняет по алтайскому серпантину на списанном УАЗе — без штурмана, без правил, на грани инстинкта и безрассудства. Ингрид — легенда шведского ралли, пять лет не садившаяся за руль после того, как марокканская пыль навсегда забрала её напарника. Она приезжает в глухое село не за гонщиком, а за тем, кто читает дорогу как профи. Ей нужны глаза. Ему — операция для отца. Их союз начинается как холодный расчёт, но Дакар не терпит сделок. В пустыне, где ошибка стоит жизни, доверие становится единственным топливом. Когда Ингрид, ведомая призраком прошлого, сворачивает к тому самому обрыву, Тимур не тянется к рулю. Каркас безопасности не даст. Вместо этого он открывает блокнот погибшего штурмана и читает темп-ноты ровным, спокойным голосом. И машина тормозит — не от страха, а от доверия. Роман о скорости, которая не лечит, а обнажает. О слепых зонах памяти, которые закрываются только тогда, когда рядом — правильный человек.

© Аракчеев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ГОРЫ	5
Глава 1. Серпантин	5
Глава 2. Отец	8
Глава 3. Ночная гонка	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Антон Аракчеев

Слепая зона

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ГОРЫ

Глава 1. Серпантин

Рассвет над Чуйским трактом рождался медленно, как будто горы неохотно выпускали ночь из своих каменных ладоней. Тимур ждал его на перевале, сидя на холодном капоте своего УАЗа по прозвищу Буран, и курил первую сигарету. Дым поднимался вертикально — значит, ветер стих. Хороший знак для тех, кто собирается гнать по серпантину.

Буран был списанный УАЗ-469, который Тимур собрал из трёх разных машин и молитв. Кузов от одной, двигатель от другой, мосты от третьей. Всё это держалось вместе на сварке и вере — причём веры требовалось больше, чем сварки. Но Буран ездил. Не идеально, не тихо, не комфортно — но ездил. Как и его хозяин, он существовал вопреки обстоятельствам. Правая дверь не закрывалась до конца, и зимой в щель задувал снег, но Тимур не чинил — говорил, что вентиляция. Сиденье было от Газели, и оно болталось на двух болтах из четырёх, но Тимур привык — он вообще ко всему привыкал, кроме неподвижности.

Он затушил сигарету о подошву ботинка, сунул окурочок в карман — в горах не мусорят, это закон, который соблюдается строже любого уголовного — и прыгнул за руль. Ключ повернулся, двигатель кашлянул, рыгнул чёрным дымом и завёлся. Тимур погладил приборную панель: «Доброе утро, старик.» Приборная панель не ответила — она не отвечала никогда, но Тимур продолжал с ней разговаривать. В гараже Айдара над этим смеялись. Тимур не обижался. Разговор с машиной — не безумие. Безумие — это молчать, когда всё внутри кричит.

Перевал Чике-Таман в пять утра принадлежал ему одному. Дорога вилась вверх, серая лента между скалами и бездной, с короткими прямыми участками, на которых можно было разогнаться до восьмидесяти, и резкими шпильками, где даже сорок казалось безумием. Тимур знал каждый метр — каждый камень, каждую выбоину, каждый участок, где асфальт сменяется гравием. Он выучил эту дорогу не по картам — подошвами, ладонями, позвоночником. Триста семь поворотов от подножия до вершины. Он считал — когда-то считал, сейчас просто чувствовал.

Он влетел в первый поворот на шестьдесят, отпустил руль, позволяя машине скользить, потом мягко поймал, выровнял, вышел на прямую и вдавил газ. Буран взревел и понёсся вперёд. Второй поворот — третий — четвёртый — Тимур вёл на инстинкте, который появился раньше мысли. Руки вращали руль до того, как глаза фиксировали поворот. Нога отпускала газ за мгновение до того, как мозг решал затормозить. Тело знало дорогу лучше разума. Это было не умение — это было слияние. Машина становилась продолжением тела, а тело — продолжением дороги.

На середине спуска что-то случилось. Ветер подул с запада, и мелкий песок, который скопился на обочине за ночь, поднялся в воздух. Песчинка попала в левый глаз — резкая боль, и Тимур зажмурился на долю секунды. Этого хватило. Когда он открыл глаз, в нём стояла кровь, и слева возникло расплывчатое пятно — слепая зона, тёмное пространство, которое глаз не видел, но мозг заполнял, угадывая форму дороги по памяти. Тимур не снизил скорость. Он перешёл на правый глаз и на инстинкт. Левая половина мира исчезла, но дорога не исчезла — она жила в мышцах, в пальцах, в том безымянном чувстве, которое гонщики называют «читать дорогу кожей».

Слепая зона. Тёмное пятно на краю зрения, которое мозг маскирует, заполняя пустоту тем, что должно быть там. Человек не замечает слепой зоны — она невидима по определению. Но она есть. У каждого. Тимур не боялся слепых зон. Он жил в одной — между надеждой и отчаянием, между горами и пустыней, между отцом, который сломался, и сыном, который гнал, чтобы не сломаться. Слепая зона — это не темнота. Это место, где темнота притворяется светом.

На полпути вниз он заметил камень на дороге — крупный, с кулак, скатившийся за ночь с осыпи. Не тормозя, он крутанул руль влево, объехал камень правыми колёсами, едва не чиркнув бортом по скале, и вернулся на траекторию. Всё — за полторы секунды. Тело решило быстрее головы. Это и было его даром — или проклятием, он не знал. Бакай говорил: дар. Олег — проклятие. Может, и то, и другое одновременно.

У подножия перевала он остановился у придорожного кафе — бетонная коробка с надписью «Чайхана» и мангалом, от которого пахло шашлыком и углём даже в шесть утра. Хозяйка, тётя Зуля, уже топила печь. Она налила ему чай, не спрашивая — с молоком, солёный, как он любил. «Опять гонял?» Тимур вытер кровь из глаза тыльной стороной ладони. «Песок попал.» Тётя Зуля посмотрела на него долгим материнским взглядом: «Глаза береги, Тимур. Без глаз и дороги не видать.» Он кивнул, допил чай и положил на стойку лишнюю десятку. Тётя Зуля забрала пять: «Хватит. Остальное — на обед.» Она кормила его с детства, как кормят бродячий кот — не из жалости, а потому что кто-то должен.

К семи он был дома. Дом стоял на окраине села, одноэтажный, бревенчатый, с покосившимся крыльцом и огородом, который зарастал черемшой. На крыльце, в инвалидном кресле, сидел отец. Олег Кучиев. Пятьдесят два года, сломанная спина, мутные глаза и бутылка водки в руке — даже в семь утра. Он сидел так каждое утро, как часовой на посту, только стерег не границу — прошлое.

Олегу было пятьдесят два, но выглядел он на все семьдесят. Четыре операции, хроническая боль и водка — вечный собеседник тех, кто не нашёл другого. Он сидел у двери, как сидел каждое утро — немой укор, живой памятник тому, что дорога забирает. Его лицо, когда-то загорелое и живое, стало серым, как шведское небо, которого Тимур ещё не видел. Руки, которые держали руль тридцатитонной фуры, теперь еле поднимали стакан.

Тимур заглушил мотор и вышел. Между ними повисла тишина, привычная, как старая стена. Олег не поворачивал головы. Тимур прошёл мимо, в дом. Холодная вода, ледяной умыльвальник, яичница из двух яиц. Он готовил на двоих, но ставил одну тарелку. Себе. Олег ел, когда хотел. Или не ел. Тимур перестал контролировать. Контроль — иллюзия, которую он оставил на дороге.

Через полчаса Олег вкатился в кухню. Молча. Тимур поставил перед ним тарелку. Олег посмотрел на яйца, потом на сына, потом снова на яйца. Тишина длилась минуту, две, три. Наконец Олег сказал, не глядя: «Сколько?» Тимур знал, о чём вопрос. «Пятьдесят восемь на серпантине. Без штурмана.» Олег помолчал: «Без штурмана — это самоубийство.» Тимур: «Это — свобода.» Олег: «Свобода и самоубийство — одно и то же, когда ты один в машине.» Тимур не ответил. Он знал. Но одиночество было единственным местом, где он мог дышать.

«Ты когда-нибудь остановишься?» — спросил Олег, и в его голосе было не осуждение, а усталость. Тимур обернулся: «Нет.» Правда. Он не мог остановиться. Дорога была единственным местом, где он дышал полной грудью, где слепая зона не давила, а звала. Каждый поворот — выбор. Каждый метр — жизнь. Дома — только остановка. На дороге — движение. Дома — отец, который смотрит сквозь него. На дороге — мир, который смотрит на него.

В гараже Айдара, где Тимур работал с девяти до шести, пахло машинным маслом, сваркой и дешёвым табаком. Айдар, тучный алтаец с усами как у моржа, был и хозяином, и психотерапевтом для своих механиков. Он чинил машины и людей — одних ключами, других чаем с бергамотом. Тимур был его лучшим механиком и самым трудным пациентом.

Вечером пришёл Бакай. Дружба с Бакаем была старой, как горы — они вместе лазали по скалам, вместе курили за школой, вместе мечтали. Только мечты разные: Бакай хотел дом, семью, огород. Тимур хотел — дороги. Длинной, бесконечной, уходящей за горизонт. Бакай не понимал, но принимал. Это и было дружбой — не понимание, а принятие.

«Ну что, гон сегодня?» — спросил Бакай, плюхаясь на ящик. Тимур вылез из-под Бурана: «В субботу. Ночью, на Ининском серпантине. Казах на Патроле. И Цепень на Лендкрузере.» Бакай присвистнул: «Откуда инфа?» — «Цепень хвастал в клубе. Казах — через знакомых.» Бакай покачал головой: «Ты хоть шлем надень.» Тимур усмехнулся: «Шлем — для тех, кто собирается падать.» Бакай: «А ты — нет?» Тимур: «Я — нет. Я лечу.»

Ночью он не мог спать. Лежал, глядя в потолок, где желтели старые плакаты: «Ралли Дакар 2017», «Париж-Дакар», «Пустынный вызов». Песок, машины, горизонты, которых нет на Алтае. Он приклеил их пятнадцать лет назад, мальчишкой, и не снимал — как не снимают мечту. Дакар. Слово, которое звучало как заклинание. Тысяча километров пустыни. Навигация по легенде этапа и одометру. Пыль, которая закрывает всё. И скорость — чистая, честная, без светофоров и ограничений.

Тимур закрыл глаза и увидел пустыню. Бескрайнюю, жёлтую, с горизонтом, который не кончается. Это был сон — он знал. Но сон был реальнее жизни. Может, всё наоборот: может, пустыня — явь, а Алтай — затянувшийся сон, из которого пора просыпаться. Он открыл глаза. Потолок. Плакаты. Тишина. Но где-то за стеной, за горами, за континентами — пустыня ждала. И Тимур знал: он до неё доедет.

Глава 2. Отец

Олег Кучиев не всегда сидел в инвалидном кресле. Было время, когда он был самым быстрым водителем на всём Чуйском тракте — тридцать тонн груза, фура длиной в двадцать метров и умение пройти перевал так, что пассажиры забывали дышать. Его знали. Его уважали. Его боялись обгонять. На базе в Горно-Алтайске его звали «Олень» — за то, что он нёсся по горам, как дикий олень, никогда не останавливаясь, никогда не оглядываясь.

Для маленького Тимура отец был героем. Не из кино — настоящего. Из тех, что пахнут соляжкой и сигаретами, чьи руки чёрные от масла, но при этом нежные, когда они подбрасывают тебя в воздух со словами «Лети, орёл!» Олег приходил домой поздно, с солнцем в волосах и дорогой в глазах, и Тимур ждал его у двери, как ждут рассвета. Каждый вечер — маленький праздник. Каждый отъезд — маленькая смерть.

«Дорога — это не асфальт, сын, — говорил Олег, и его глаза загорались. — Дорога — это то, что между твоими ушами. Не важно, что под колёсами — снег, песок, лёд. Важно, что у тебя в голове. Если голова чистая — дорога понятная. Если голова мутная — и прямая станет серпантинном.» Тимур запоминал. Каждое слово. Как запоминают молитву — не понимая, но веря.

Олег учил его не страху — уважению. «Страх — тормоз. Уважение — руль. Бойся — остановишься. Уважай — проедешь.» Он сажал Тимура на колени, давал руль, и фура ехала по прямой, пока отец контролировал педали. Тимуру было семь, и он чувствовал себя богом. Двадцать тонн металла слушались его рук — слабых, детских, но уверенных. Олег не боялся доверить руль сыну. Он боялся — не доверить.

Всё изменилось в декабре, когда Тимуру было двенадцать. Олег вёз груз в Кош-Агач — последний рейс перед Новым годом. На перевале началась пурга, но Олег поехал. Он всегда ездил. Двадцать лет за рулём, и ни одной аварии. Он верил в свою удачу — слепо, по-русски, как верят в бога, которого не видят, но боятся. Мама просила остаться. Олег: «Груз ждёт.» Мама: «Мы ждём.» Олег помолчал: «Я вернусь.» Он вернулся. Через три месяца. На носилках.

Оползень сошёл без предупреждения. Один удар — и фура на боку, кувыркается по склону. Олег услышал хруст раньше, чем почувствовал боль. Потом — темнота. Он очнулся в больнице, в Новосибирске, через трое суток. Два сломанных позвонка. Спинальный мозг сдавлен, но не разорван. Шансы встать — один из десяти. Олег услышал диагноз и отвернулся к стене. Он не плакал. Он просто выключился — как машина, у которой сели аккумуляторы.

Тимур приходил в больницу каждый день после школы. Дорога — сорок минут на автобусе, потом пешком через парк. Он приносил отцу еду из дома — утром готовил сам, двенадцатилетний, на электрической плитке. Олег ел молча. Тимур сидел рядом и делал уроки. Иногда Олег засыпал, и Тимур смотрел на его руки — большие, сильные, которые теперь лежали на одеяле, как чужие. Он не плакал. Он научился плакать в тот день, когда мама не вернулась. Слёзы — для тех, кто надеется. Тимур надеяться перестал. Он начал — действовать.

Тимур узнал по телефону. Мама взяла трубку, побледнела, села на пол. Он стоял рядом, двенадцатилетний, и уже знал — что-то сломалось. Не только спина отца. Фундамент, на котором стояла их жизнь. Стена, на которую можно было опереться, рухнула, и теперь они жили в обломках. Тимур помнил, как мама говорила в трубку: «Когда?..» И как положила трубку. И как села на пол. И как он стоял, не зная, что делать — сесть рядом или остаться стоять.

Больница пахла антисептиком и безнадёжностью. Олег лежал на спине, не шевелясь. Когда Тимур подошёл, отец повернул голову: «Не смотри так. Я живой.» Тимур кивнул, но глаза предали его. Олег протянул руку — с трудом, дрожа — и сжал пальцы сына. «Слушай меня. Дорога не виновата. Никто не виноват. Так бывает. Понял?» Тимур не понял. Но кивнул. Потому что отец так хотел.

Мать ушла через год. Не выдержала. Не Олега — его беспомощности. Того, что бог превратился в человека, который не может сам встать с кровати. Она не сказала «я ухожу» — она просто не вернулась однажды вечером. Тимур ждал до утра. Потом позвонил. Она сказала: «Я не могу.» Тимур: «Я тоже.» Тишина. Она звонила по праздникам, присылала деньги. Тимур научился жить без неё — как живёт дом без одной стены: стоит, но сквозит.

Сейчас, восемь лет спустя, Олег сидел в кресле у окна и пил. Водка заменила ему горизонт. Тимур прятал алкоголь, Олег находил. Тимур выливал, Олег покупал новый. Война без победителей — только потери. Олег пил не от слабости. Он пил, потому что трезвый он видел: жизнь прошла мимо. А пьяный — не видел ничего, и это было легче.

Однажды Тимур вернулся с работы и нашёл отца на полу. Олег пытался встать из кресла и упал. Он лежал на боку и тяжело дышал. Тимур стоял в дверях и смотрел, и внутри что-то ломалось. Он подошёл, поднял отца — легко, слишком легко, Олег весил меньше, чем должен — и посадил обратно в кресло.

«Не трогай меня,» — прошипел Олег. Тимур отшатнулся. «Пап, давай я...» — «Не трогай!» Олег попытался сам подтянуться. Не получилось. Он упал обратно, и из его горла вырвался звук — как у раненого зверя, который не может сдохнуть. Тимур вышел. Хлопнул дверью. Побежал. Ноги несли его сами — вниз по улице, мимо чайханы, к реке. Он бежал, пока лёгкие не горели, пока ноги не подкосились, пока тело не упало на берег Катуня.

Бакай нашёл его через час, на берегу с разбитой рукой — ударил по камню, и костяшки разошлись. «Опять?» Тимур молчал. Бакай не торопил. Сел рядом. Подождал. Наконец Тимур сказал: «Он злит меня. И я злюсь на себя за то, что злюсь.» Бакай кивнул: «Это нормально. Ты злишься, потому что любишь. А любишь — потому что он твой отец. Круг замкнулся.» Тимур посмотрел на реку: «Я не хочу стать им.» Бакай: «Ты не станешь. Ты — другой.» Тимур: «Откуда ты знаешь?» Бакай промолчал. Он не знал. Никто не знал. Река текла мимо, и вода была холодная, как правда.

Между Тимуром и Олегом была слепая зона — пространство, которое они оба видели, но отказывались признавать. Олег не видел, что сын гнал по серпантину не ради адреналина, а ради того, чтобы не стать им. Тимур не видел, что отец пил не от слабости, а от того, что дорога, которая его погубила, оставалась единственным, о чём он мог думать. Они были зеркалами друг друга — и отворачивались, чтобы не видеть собственного отражения. Слепая зона — не темнота. Это место, где двое смотрят друг на друга и не видят.

Глава 3. Ночная гонка

Субботняя ночь на Ининском серпантине пахла бензином, адреналином и дешёвым пивом. Машины стояли вдоль обочины — Нивы, УАЗы, один навороченный Лендкрузер с хромированными дисками и тонированными стёклами. Люди толпились — молодые, громкие, с горящими глазами. Девушки хихикали, парни мерились машинами. Гонка была неофициальной, нелегальной — и потому самой честной. Здесь не было спонсоров и правил. Только дорога и смелость. Победитель — король на одну ночь. Проигравший — шут на утро.

Бакай был рядом, как всегда — громкоголосый, щедрый на комментарии, с рюкзаком, в котором лежали бутерброды и термос с чаем. Он не гонял — он болел. Это была его функция: верить громче всех, переживать сильнее всех, орать так, что сорвал голос к утру. «Тимур! Казах на Патроле сказал, что уделает тебя на подъёме!» Тимур пожал плечами: «На подъёме все меня уделают. Подъём — не мой этап. Мой — вниз.» Бакай скрёб затылок: «Ты уверен? Внизу обрыв.» Тимур: «Обрыв — тому, кто не видит дороги.» Бакай вздохнул: «Ладно. Только не убейся. А то кому я буду рассказывать, что знал великого гонщика?»

Старт. Три машины — Тимур на Буране, казах Куат на Ниссан Патрол, Цепень из Горно-Алтайска на Лендкрузере. Четвёртый — местный, на Ниве. Тимур сел в Буран, погладил руль: «Не подведи.» Буран рыкнул. Фары выхватили из темноты асфальт, и Тимур нажал газ. Бакай махнул рукой и побежал к точке обзора — он знал, что Тимур не увидит его, но махал всё равно.

На подъёме Цепень рванул первым — Лендкрузер был самой мощной машиной. Куат шёл вторым, Тимур — третьим, намеренно. Его этап начнётся на вершине, где серпантин разворачивается и дорога падает вниз. Там, где другие тормозили, он полетит. Это была не тактика — это была философия. Тимур не умел ехать медленно. Он умел — быстро и ещё быстрее.

На вершине Цепень вёл с отрывом в пятнадцать секунд. Но на первом повороте серпантина всё изменилось. Цепень затормозил слишком поздно, ушёл в занос, потерял скорость. Куат прошёл чисто. Тимур не тормозил вообще. Он вошёл в поворот на скорости, которая заставила Буран взвыть, отпустил руль, позволил машине скользить по дуге, и вышел на прямую, уже обогнав Цепня. Толпа внизу услышала вой двигателя и закричала.

Второй поворот — шпилька, почти сто восемьдесят градусов. Тимур притормозил, переключился на пониженную, крутанул руль. Буран заложил вираж, задние колёса соскользнули, но Тимур поймал занос мягким движением — как ловишь падающий стакан: не резко, а точно. Выход — и Тимур уже второй, в пяти метрах за Куатом. Тот вёл чисто, но консервативно — казах берёт машину. Тимур берёт время.

На следующей шпильке он обошёл Куата по внешнему радиусу — безумие, но внешняя обочина твёрже, а Тимур знал: твёрдый уступ лучше мягкого обрыва. Буран подпрыгнул на кочке, Тимур удержал руль одной рукой, а другой переключил передачу. Двигатель взвыл, и машина выстрелила вперёд. Теперь он первый.

На третьей шпильке — отрыв двадцать секунд. На четвёртой — тридцать. Дорога принадлежала ему, и Тимур смеялся — один, в темноте, на скорости, — от чистой животной радости, которая бывает только когда ты и машина — одно. Педаль, руль, дорога. Никаких мыслей. Никакого вчера. Никакого завтра. Только сейчас — чистое, звонкое, как монета на дне колодца.

Куат шёл позади, отчаянно пытаясь сократить разрыв, но его Патрол был тяжёл для серпантина — широкий, высокий, неповоротливый. Тимур знал: на прямой Куат обгонит. Но здесь, в поворотах, лёгкий УАЗ с низким центром тяжести — король. Это был не матч-реванш мощности. Это был танец грации. И Тимур танцевал.

Финиш. Тимур — первый, с отрывом в сорок секунд. Толпа взревела. Фары, крики, свист. Бакай нёсся к нему, размахивая руками, как ветряная мельница. Куат пожал руку: «Хороший

гонщик. Но машина — мусор.» Тимур усмехнулся: «Машина — характер. А характер не покупают — строят.» Куат засмеялся: «Философ. Опасный тип.»

Именно тогда Тимур впервые увидел её. Высокая, светловолосая, в кожаной куртке не по размеру — она стояла поодаль, прислонившись к старой Ниве, и смотрела на него. Не как другие — не с восхищением, не с любопытством, не с желанием. Она смотрела, как смотрят на карту перед дорогой: оценивая. Аналитически. Профессионально. Тимур почувствовал себя под микроскопом — и странно, ему это не понравилось и не не понравилось. Просто — непривычно.

Она подошла, когда толпа рассосалась. Говорила по-русски с сильным акцентом, подбирая слова, как подбирают ключи к замку: «Ты — очень быстрый. Но ты не знаешь, как быстро — можно.» Тимур моргал, как сова на солнце. Она продолжила: «Ты ведёшь машину телом. Это — талант. Но тело может ошибиться. Голова — нет. Если знать, что впереди.» Тимур: «Я знаю, что впереди.» Она: «Нет. Ты чувствуешь. Это другое. Чувство — одиноко. Знание — нет.»

Она достала визитку. «Мне нужен пилот. Вернее — мне нужны глаза. Подумай.» И ушла. Тимур смотрел ей вслед, вертя визитку в пальцах. На ней — Ингрид Свенсон. Ралли. Навигация. Мир, который существовал только на плакатах в его спальне. Мир, который он считал недостижимым, как луну. Визитка горела в руке, как билет в другую жизнь. Или — в другую смерть.

Бакай подошёл: «Ну? Что хотела?» Тимур: «Предложила стать штурманом.» Бакай: «Штурманом? Ты? Ты же не можешь сидеть спокойно три минуты.» Тимур: «Она сказала, что мне нужны глаза. Её глаза.» Бакай: «А ей?» Тимур: «Мой голос. Моя дорога.» Бакай посмотрел на него долго: «Ты поедешь.» Тимур: «Не знаю.» Бакай: «Я знаю. У тебя глаза горят, как фары. Так горят только когда видят дорогу.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.